

Крестовская Мария Всеволодовна

К солнцу!

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Всеволодовна К.**
К солнцу! / Крестовская Мария Всеволодовна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 242 с.

ISBN 978-5-519-91068-2

ISBN 978-5-519-91068-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

упаси, не думайте о Крымѣ, тамъ теперь морозы и вьюги.

— Можетъ быть, достаточно было бы Италіи?— робко спрашиваете вы, наивно предполагая, что между Петербургомъ и Неаполемъ должна была бы существовать нѣкоторая разница. Они такъ далеки другъ отъ друга по картѣ.

Но вашъ собесѣдникъ приходитъ почти въ ужасъ и отмахивается при этихъ словахъ руками, какъ отъ страшнаго видѣнія.

— Боже васъ упаси отъ этой глупости!— кричитъ онъ испуганно, но не очень любезно.— Тамъ теперь въ комнатахъ температура не поднимается выше нуля, а вода (вѣрно, даже и горячая) замерзаетъ въ умывальникахъ! Только не Италія, это будетъ прямо гибель!

Вы начинаете впадать въ легкое уныніе, предвидя, что „мѣстами не столь отдаленными“ не отдѣляетесь, и дѣлаете послѣднюю попытку, предлагая Ривьеру.

Въ Петербургѣ теперь, по крайней мѣрѣ, десятокъ магазиновъ, торгующихъ „fleurs de Nice“. Гдѣ-нибудь должны же цвѣсти тамъ всѣ эти фіалки и гвоздики, которыя вы бережно приносите домой, закутанными въ вату, и отогрѣваете ихъ потомъ отъ уличнаго перехода, ставя поближе къ лампамъ и печамъ. Не оранжереи же тамъ для нихъ строить!

А если солнца и тепла хватаетъ для нихъ, то, авось, хватить его и для васъ.

Но тутъ караулить уже другое зло, и васъ пугаютъ грознымъ призракомъ чахоточныхъ бациллъ, переполняющихъ тамъ будто бы всѣ стѣны и кровати.

— Лучшее средство заразиться чахоткой и отправиться черезъ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ уже въ послѣднее путешествіе!

— Да и потомъ,—прибавляетъ въ видѣ утѣшенія, вѣрный своему скептицизму, петербуржецъ,—тамъ теперь тоже морозы и раньше марта все равно не прекратятся.

Тогда, утративъ послѣднюю надежду „на мѣста не столь отдаленныя“, вы, съ рѣшимостью отчаянія, рѣшаете покориться своей участи и ѣхать на поиски за солнцемъ прямо въ Африку!

Остается сдѣлать только выборъ между Алжиромъ и Каиромъ. Но увы! хоть Петербургъ и считается „приморскимъ“ городомъ, но почему-то у его обитателей рѣшительно не образовывается „страсти къ морю“; можетъ быть, потому, что мы видимъ его въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, когда ѣздимъ на стрѣлку, эту маленькую „форточку въ Европу“, съ спеціальною цѣлью увидѣть въ ней „кусочекъ“ такъ называемаго моря, или же когда оно само посѣщаетъ насъ во время осеннихъ своихъ наводненій. Но эти неожиданные визиты его внушаютъ не столько „страсть“ къ

нему, сколько почтительное желаніе держаться отъ него подальше. И мы совершенно основательно находимъ, что если ужъ довѣряться ему, то пріятнѣе на однѣ сутки, чѣмъ на трое, и отдаемъ поэтому предпочтеніе Алжиру предъ Каиромъ.

Правда, при мысли о священномъ Нилѣ и Египтѣ съ его пирамидами, сфинксами и Сахарою, является страшное искушеніе, и мы собираемся уже „рискнуть“. Но по мѣрѣ того, какъ время идетъ и надо рѣшаться уже не въ мечтахъ, а въ дѣйствительности, мы начинаемъ опять склоняться въ пользу Алжира, открывая въ немъ все больше прелести и соблазна, и въ концѣ-концовъ рѣшительно выбираемъ его, утѣшая себя тѣмъ, что „Египетъ отъ насъ еще не уйдетъ!“.

Теперь остается только выработать маршрутъ, за что мы немедленно и принимаемся. Но Боже васъ упаси совѣтоваться въ этихъ случаяхъ съ вашими друзьями и знакомыми. Нашъ отъѣздъ затянулся на добрыхъ три недѣли только потому, что мы „имѣли эту неосторожность“, фатально приводившую каждый разъ къ тому, что новый совѣтчикъ рѣшительно возставалъ противъ всѣхъ совѣтовъ предыдущаго и, какъ дважды два четыре доказывая всю ихъ неосновательность, замѣнялъ ихъ собственными, совершенно противоположными.

И каждый разъ доводы были дѣйствительно

такъ основательны, что мы невольно подчинялись имъ и отмѣняли весь предыдущій маршрутъ, принимая съ благодарностью указанія послѣдняго, пока... пока не являлся слѣдующій, который, въ свою очередь, разбивалъ этотъ.

Такимъ образомъ мы попадали въ Алжиръ уже и чрезъ Парижъ, и чрезъ Лондонъ, и изъ Константинополя, и изъ Испаніи, пока, наконецъ, не догадались, въ свою очередь, отвергнуть всѣ планы и выбрать какой-нибудь свой, на которомъ стоять уже твердо, не слушая больше ничьихъ совѣтовъ и указаній, хотя бы они вели прямо чрезъ самый рай и вмѣсто платы предлагали бы даже преміи путешественникамъ.

И такъ, билеты взяты, и 9 декабря нашего стиля мы выѣхали „искать солнца“, избравъ первымъ пунктомъ нашей остановки—Берлинъ.

Когда соберешься въ такіе дальніе края, такъ непохожіе на свои, то хочется уже скорѣй очутиться въ нихъ, въ этихъ странахъ, отъ которыхъ ждешь столько новаго, еще невиданнаго, почти чудеснаго. И первые часы въ вагонѣ кажутся особенно скучными и томительными. Привычныя, знакомыя мѣста только раздражаютъ нетерпѣніе. Они точно цѣпляются за васъ, не исчезая изъ глазъ, точно держатъ въ своемъ плѣну. Вы такъ давно приглядѣлись къ нимъ;

такъ знакомо въ нихъ все, и вы ничѣмъ уже не интересуетесь въ нихъ, не ожидая отъ нихъ больше ничего новаго, неожиданнаго, и невольно слегка скучаете, въ родѣ того, какъ скучаете иногда въ присутствіи близкаго человѣка, котораго знаете слишкомъ давно и хорошо, чтобы оживляться въ его обществѣ, но въ отсутствіи котораго, быть можетъ, будете скучать потомъ еще сильнѣе...

Скучно глядѣтъ даже въ окно вагона. Тянутся все тѣ же, съ дѣтства знакомые, спящіе лѣса изъ сосны и ольхи, изрѣдка перемѣшанныхъ съ елью и березой, совсѣмъ промерзшіе и застывшіе теперь, на сковавшемъ ихъ морозѣ. Они точно дремлютъ и грезятъ сквозь сонъ о веснѣ, о зеленой травѣ, что покроетъ ихъ почву, занесенную снѣгомъ теперь, о птицахъ, что прилетятъ къ нимъ и снова огласятъ ихъ тишину своими пѣснями, рассказывая имъ о дальнихъ чудныхъ странахъ, гдѣ солнце вѣчно ласкаетъ своей теплотою, гдѣ сіяетъ лазурное море и всегда цвѣтутъ радостные цвѣты...

И заслушается ихъ старый лѣсъ и тоже заговоритъ, зашумитъ своими верхушками, стараясь вытянуться еще выше и заглянуть чрезъ головы другъ друга, не увидитъ ли и онъ, навѣкъ пригвожденный здѣсь, хоть издали эти чудныя страны, о которыхъ рассказываютъ ему только птицы, и станетъ ему завидно и досадно, и напряжетъ онъ

всѣ свои силы, и тоже одѣнетъ деревья свои веселыми листьями, а по подножію своему выпустить блѣдные, чахлые цвѣточки подснежниковъ, которые проживутъ одинъ мигъ для его утѣшенія и исчезнутъ до новой весны.

Но, пока его засыпаетъ только снѣгъ; онъ тяжелыми пушистыми хлопьями окуталъ его заледенѣлыя вѣтви, склоняющіяся подъ тяжестью его, и, куда ни падаетъ взглядъ, вездѣ все тотъ же снѣгъ, все та же бѣлоснѣжная пелена его, полторааршиннымъ пологомъ покрывшая всю землю. Въ ея безупречной чистотѣ есть что-то дѣвственное и прекрасное. Сѣрое небо низко нависло надъ ней, облака ползутъ уныло и хмуро, точно и имъ даже скучно. Кругомъ ни звука, ни жилья, кромѣ изрѣдка мелькающихъ мимо маленькихъ домиковъ сторожей, занесенныхъ снѣгомъ. Пусто и холодно, точно все вымерзло и заледенѣло на много верстъ кругомъ... Подползаютъ сумерки и дѣлается еще скучнѣе. Тѣнь за тѣнью надвигаются онѣ со всѣхъ сторонъ, ложась слоями одна на другую и закутывая все своей темнотой и таинственностью. Все принимаетъ какой-то странный и таинственный видъ. Лѣсъ еще больше закосматился и насупился, точно пряча въ себѣ какія-то тайны, въ которыя не должны проникать враги его—люди... И вдругъ вспоминается дѣтство, съ его забытыми уже сказками и няниными рассказами, и глаза невольно ищутъ за этими

мохнатыми деревьями и притаившимися кустарниками, принявшими причудливыя формы и очертанія, чудесныхъ медвѣдей, оборотней волковъ, косматыхъ лѣшихъ и разныхъ сказочныхъ видѣній и образовъ, которыми населила его фантазія народа и дѣтей.

И, точно довершая настроеніе, въ воздухѣ начинаютъ мелькать золотыя искры, вылетающія изъ нашего паровоза. Сначала рѣдкія и отдѣльныя, онѣ весело сверкаютъ въ темнотѣ яркими точками, но постепенно все усиливаются, умножаются и сливаются уже въ одну длинную линію огненныхъ нитей, въ нѣсколько рядовъ перерѣзывающую темноту воздуха, какъ проволоки волшебнаго телеграфа. То вдругъ разсыпаются на тысячи отдѣльныхъ искръ и пляшутъ въ какой-то бѣсовской пляскѣ, точно маленькіе огненные, сказочные духи, празднующіе здѣсь, въ этой тишинѣ и безлюдѣ морозной ночи, свою дикую оргію... И невольно глаза не отрываются отъ окна, за которымъ творится какая-то живая сказка наяву, полная странной красоты и волшебства... Но приходитъ кондукторъ, предлагаетъ постелить постель и отдать ему на ночь билеты; онѣ спускаетъ на окнѣ темныя занавѣски, ничуть не интересуясь тѣмъ, что тамъ дѣлается, и разрушаетъ сказку. Чувствуешь себя опять только въ вагонѣ, въ которомъ предстоитъ провести неприятную ночь, и снова только томишься созна-

ніемъ долгаго пути. А тутъ еще пріятная перспектива быть разбуженной для пересадки и таможни, ровно въ 5 часовъ утра, когда просыпаться труднѣе всего. Но дѣлать нечего—*a la guerre comme a la guerre!*

Ровно въ 5 часовъ утра поѣздъ подходитъ къ Вержболову и надо выходить для таможни и пересадки уже на германскій поѣздъ. Всѣ выходятъ сонные, вялые и злые. Уже самое представленіе „таможни“ и обшариванія всѣхъ вашихъ сундуковъ всегда производитъ нервирующее дѣйствіе. Изъ порядочнаго человѣка вы вдругъ разомъ становитесь „какимъ-то сомнительнымъ субъектомъ“, сильно подозрѣваемымъ въ склонности ко всевозможнымъ мошенничествамъ. Вы чувствуете, что вамъ наносится нѣчто въ родѣ оскорбленія, противъ котораго у васъ даже отнято право протестовать, а въ то же время подобное отношеніе къ вашей личности гипнотизируетъ какъ бы васъ самого. Вы тоже уже не вполне въ ней увѣрены и... слегка трусите, не зная навѣрное, наконецъ, и сами, везете ли вы какую-нибудь контрабанду въ вашихъ сундукахъ, или можете спокойно предоставить ихъ самому тщательному осмотру.

Впрочемъ, на этотъ разъ все обходится благополучно. Нѣмцы оказываются очень снисходитель-

ными; они даже не открываютъ нашего багажа, довѣряя нашему показанію, очевидно, больше, чѣмъ собственные земляки, и только берутъ съ насъ 3 марки контрибуціи за нѣсколько коробокъ конфетъ, которыми наградили насъ, провожая, наши друзья.

И вотъ мы „за границей“! Но она еще мало чѣмъ даетъ себя чувствовать. Или еще очень рано, даже и для нѣмцевъ, и всѣ ходятъ полусонные, или слишкомъ еще близко русское сосѣдство, и нѣмцы слегка „овержболовились“, такъ-сказать. По крайней мѣрѣ, и физіономія, и даже выправка еще нехарактерны, движенія лѣнны, походки съ развальцемъ и разницы съ нашимъ Вержболовымъ немного.

Зато природа не только признаетъ эту границу, но даже какъ бы не безъ тенденціи подчеркиваетъ ее. Сейчасъ же за Эйдкуненомъ наши глубокіе снѣга исчезли, и онъ лишь легкимъ налетомъ прикрываетъ землю. Чѣмъ дальше движемся мы, тѣмъ все меньше остается его и скоро онъ пропадаетъ уже окончательно, и пейзажъ изъ зимняго разомъ принимаетъ осенній, октябрьскій характеръ. Поля лежатъ обнаженные, съ тускло зеленѣющими въ сумрачномъ разсвѣтѣ всходами озимыхъ; мороситъ мелкій частый дождикъ, все пронизано сыростью и туманомъ, и мы утѣшаемъ свой патріотизмъ хоть тѣмъ, что наша зима красивѣе.

Несмотря на предпраздничное время, въ вагонахъ (комфортабельныхъ и чистенькихъ, точно сейчасъ только что выпущенныхъ изъ мастерскихъ) народа довольно много. Но преобладаютъ мужчины. Женщины, очевидно, сидятъ дома и готовятся къ праздникамъ. Физиономіи и фигуры, въ контрастъ пограничнымъ,—уже характерно-нѣмецкія или, вѣрнѣе, прусскія съ ихъ военной выправкой даже у штатскихъ. Очень выхоленные усы, тщательно сдѣланные проборы, на устройство которыхъ времени употребляется, вѣроятно, не меньше, какъ дамами на ихъ прически, и туго накрахмаленные, высоко подпирающіе шею, безукоризненной свѣжести воротнички, не смявшіеся даже отъ путешествія. Всѣ эти фигуры характерны только какъ общій національный типъ, но не какъ отдѣльныя единицы, и въ общемъ всѣ мужчины, сидящіе въ нашемъ Speise-Wagen, отличаются другъ отъ друга больше возрастомъ и размѣрами, чѣмъ индивидуальными чертами.

Наблюдать ихъ надоѣдаетъ довольно быстро, и мы все нетерпѣливѣе ждемъ Берлина. Но терпѣніе наше испытывается еще долго, и мы подъѣзжаемъ къ нему только къ 8 часамъ вечера, когда уже давно стемнѣло. Тѣмъ фееричнѣе открывается видъ на его ярко освѣщенные улицы, дома и магазины, раскидывающіеся внизу, подъ нами. Поѣздъ идетъ по городу на высотѣ, по крайней мѣрѣ, третьихъ этажей, и сверху, за-